

ПРЕДИСЛОВИЕ

1 февраля 1887 года «Леди Вейн» затонула, врезавшись в брошенное судно, около 1° южной широты и 107° западной долготы.

5 января 1888 года, то есть спустя одиннадцать месяцев и четыре дня, мой дядя Эдвард Прендик (частное лицо), который сел на «Леди Вейн» в Кальяо и считался погибшим, был подобран в районе 5° южной широты и 101° западной долготы в небольшой шлюпке, название которой невозможно было прочесть, но по всем признакам это была шлюпка с пропавшей без вести шхуны «Ипекакуана». Дядя рассказывал о себе такие невероятные вещи, что его сочли сумасшедшим. Впоследствии он сам признал, что не помнит ничего с того самого момента, как покинул борт «Леди Вейн». Психологи заинтересовались дядей, считая, что это любопытный случай потери памяти вследствие крайнего физического и нервного переутомления. Однако я, нижеподписавшийся его племянник и наследник, нашел среди его бумаг записки, которые решил опубликовать, хотя никакой письменной просьбы об этом среди них не было.

Единственный известный остров в той части океана, где подобрали моего дядю, — маленький необитаемый островок Ноубл вулканического происхождения. В 1891 году этот островок посетил английский военный корабль «Скорпион». На берег был высажен отряд, который, однако, не обнаружил там ничего, кроме нескольких любопытных белых бабочек, а также свиней, кроликов и странного вида крыс. Ни одно из животных не было взято на борт, так что главное в записках дяди осталось без подтверждения. Ввиду всего сказанного можно надеяться, что издание этих удивительных записок

никому не принесет вреда и, как мне кажется, соответствует желанию дяди. Во всяком случае, остается фактом, что дядя выпал из поля зрения человечества где-то в районе 5° южной широты и 106° западной долготы и вновь появился в этой же части океана через одиннадцать месяцев. Должен же он был где-то жить все это время. Известно также, что шхуна «Ипе-какуана» с пьянчугой капитаном Джоном Дейвисом вышла из Арики* с пумой и другими животными на борту в январе 1887 года. Судно это было хорошо известно в нескольких портах на юге Тихого океана; шхуна бесследно исчезла (с большим грузом копры на борту), выйдя в неизвестном направлении из Баньи** в декабре 1887 года, какова дата полностью соответствует рассказу моего дяди.

Чарльз Эдвард Прендик

* Арика и Калью — портовые города соответственно в Чили и Перу. (Здесь и далее, если не оговорено особо, — примеч. перев.)

** Пункта с таким названием не существует в южной части Тихого океана, не существовало его и ранее. Английские комментаторы произведений Г. Уэллса считают, что это ошибка наборщика или машинистки, и автор имел в виду вполне реальный остров, носивший название Банка (или Бангка) и входивший в состав нидерландской Ост-Индии (ныне Индонезия).

I. В ЯЛИКЕ С «ЛЕДИ ВЕЙН»

Я не собираюсь ничего прибавлять к тому, что уже сообщалось в газетах о гибели «Леди Вейн». Всем известно, что через десять дней после выхода из Кальяо она затонула. Семь человек экипажа спаслись на баркасе и были подобраны восемнадцать дней спустя английской канонеркой «Мирт». История их злоключений стала так же широко известна, как и более страшный случай с «Медузой». На мою долю остается только добавить к уже известной истории гибели «Леди Вейн» другую, не менее ужасную и, несомненно, гораздо более удивительную. До сих пор считалось, что четверо людей, пытавшихся спастись на ялике, погибли, но это не так. У меня есть неопровержимое доказательство: я один из этих четверых.

Прежде всего я должен заметить, что в ялике было не четверо, а только трое — Констанс, про которого писали, что «его видел капитан, когда он прыгал в ялик» («Дейли ньюс» от 17 марта 1887 года), к счастью для нас и к несчастью для себя, не добрался до ялика. Он выпутался из неразберихи снастей под штагами разбитого в щепки бушприта и кинулся в воду, но зацепился ногой за какой-то фал; секунду он еще висел вниз головой, а затем упал и ударился о блок или обломок рангоута, плававший в волнах. Мы стали грести к нему, но он уже больше не показывался на поверхности.

Пожалуй, он не доплыл до нас все же не только к нашему счастью, но и к счастью для себя. У нас был только маленький бочонок с водой и несколько отсыревших сухарей (так неожиданно произошла катастрофа и так плохо было подготовлено судно). Решив, что на баркасе припа-

сов больше (хотя, как теперь видно, это было не так), мы стали кричать, но наши голоса не долетали до баркаса, а на следующий день, когда рассеялся туман — это произошло лишь к полудню, — мы его уже не увидели. Встать и осмотреться мы не могли из-за качки. По океану неслись огромные валы, и встречать их носом стоило больших усилий. Со мной спаслись еще двое: Хельмар, такой же пассажир, как и я, и матрос, имени которого я не знаю, коренастый, заикающийся человек невысокого роста.

Восемь дней носило нас по океану. Мы умирали от голода, а после того, как мы выпили всю воду, нас мучила нестерпимая жажда. Через два дня океан утих и стал гладким, как стекло. Едва ли читатель сумеет представить себе, какие это были восемь дней! Счастлив он, если память не рисует ему подобных картин. На второй день мы почти не говорили друг с другом и неподвижно лежали в ялике, уставившись вдаль или глядя расширившимися, измученными глазами, как ужас и слабость овладевают спутниками. Солнце пекло безжалостно. Вода кончилась на четвертый день. Нам мерещились страшные видения, и их можно было прочесть в наших глазах. Если не ошибаюсь, на шестой день Хельмар заговорил наконец о том, что было у каждого из нас на уме. Помню, мы были так слабы, что могли только шептать, поэтому приходилось наклоняться друг к другу и экономить слова. Я изо всех сил старался переубедить моих товарищей по несчастью, предлагая скорее затопить ялик и погибнуть всем вместе, отдавшись на съедение акулам, которые следовали за нами. Но я оказался в меньшинстве: когда Хельмар заявил, что, если мы примем его предложение, у нас будет питье, матрос присоединился к нему.

Тем не менее я не хотел бросать жребий. Ночью Хельмар беспрестанно шептался с матросом, а я сидел на носу, сжимая в руке складной нож, хотя и чувствовал, что слишком слаб для борьбы с ними. Утром я согласился с предложением Хельмара, и мы бросили полупенсовик, чтобы определить, кто же из нас лишний.

Жребий пал на матроса, но он был самый сильный из нас и, не желая умирать, кинулся на Хельмара. Они сцепились, и оба привстали. Я пополз к ним по дну ялика, чтобы схватить матроса за ногу и помочь Хельмару, но в

эту минуту ялик качнуло, матрос оступился, оба рухнули на планширь и, не выпуская друг друга, перевалились через борт. Они пошли ко дну, как камни. Помню, я засмеялся, сам удивляясь этому. Смех напал на меня внезапно, словно пришел извне.

Не знаю, сколько времени я пролежал на банках, думая только о том, что если б я был в силах встать, то напился бы соленой воды, чтобы сойти с ума и поскорее умереть. Затем я увидел, как на горизонте показалась шхуна, но продолжал лежать с таким равнодушием, словно это был мираж. Я, наверное, был невменяем, но теперь вспоминаю все совершенно отчетливо. Помню, как голова моя качалась в такт волнам и шхуна на горизонте танцевала перед глазами. Отчетливо помню также, что я был убежден, будто уже умер, и думал о горькой насмешке судьбы — шхуна опоздала всего лишь на самую малость и люди подберут еще не остывший труп.

Казалось, что я лежал так бесконечно долго, глядя на шхуну, плясавшую на волнах. То было небольшое судно с косым, как и положено шхуне, парусным вооружением. Оно шло галсами, потому что двигалось против ветра. Мне даже не приходило в голову попытаться привлечь его внимание, и я не помню почти ничего после того, как увидел борт подошедшего судна; очнулся я в маленькой каютке на корме. У меня осталось лишь смутное воспоминание о том, что меня поднимали на мостик и кто-то большой, рыжий, с веснушчатым красным лицом, смотрел на меня из-за фальшборта. Потом словно провал в памяти, и вдруг еще одно лицо, очень близко, — смуглое, с необыкновенными глазами; я думал, что оно примерещилось мне в кошмаре, пока не увидел его позже в реальности. Помню, наконец, как мне вливали сквозь зубы какую-то жидкость. Вот и все, что осталось у меня в памяти.

II. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НАПРАВЛЯЛСЯ В НИКУДА

Каюта, в которой я очнулся, была маленькая и довольно грязная. Белокурый моложавый человек с льняными волосами, щетинистыми, соломенного цвета усами и отвис-